

Анна Миланик

Кто же я?

УДК 82-3
ББК 84-4
М60

Миланик А.

М60 Кто же я? / Анна Миланик. – М.: Литнет, 2026. – 204 с.

ISBN 978-5-521-98456-5

Кто я?

Вам приходилось начинать все сначала? Семью, работу, жизнь...

Мне вот пришлось. За мной идет охота, а я не знаю кто мои враги.

Мой муж очаровательный красавчик, а я не уверена, что могу ему доверять.

Память подкидывает новые и странные отрывки из моей жизни, еще больше запутывая.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98456-5

© Литнет, 2026

© Миланик А., 2026

Глава 1

В ушах стоял звон. В голове – туман. Какая-то неведомая сила тянула меня в зыбучую неизвестность. Я проваливалась в темноту и снова возвращалась в реальность. Адская боль сменилась отстраненностью.

– Вы слышите меня? – как сквозь пелену звучал женский голос. – Не отключайтесь. Откройте глаза.

Я повиновалась настойчивому и взволнованному приказу – подняла тяжелые веки. Светлый потолок, капельница, белый халат.

«Где я? Это машина скорой помощи? Больница? Что со мной? Не чувствую боли. Только туман, который манит погрузиться в его пучину», – мелькали мысли в голове.

Надо мной склонилась девушка, наверное, медсестра – совсем молодая. Она растерянно держала меня за руку.

– Доктор, пульс слабый. Она теряет много крови.

– Что ж ты хотела? Огнестрельное ранение. Это тебе не шутки, – послышался голос мужчины.

– Дамочка, вы меня слышите? Назовите ваше имя.

Я попыталась что-то сказать, но получился только хрип. Замолчала и задумалась. Как же меня зовут? Очень интересный вопрос.

– Если вы слышите, сожмите пальцы.

Я послушно сжала вложенную в мою ладонь руку.

– Доктор, она сжала.

– Хорошо. При ней были документы?

– Нет. Значит, ее имя нам неизвестно.

«И мне мое имя неизвестно», – сделал заключение мозг.

Голоса стали отдаляться, и я погрузилась во тьму. Мне казалось, что я спала целую вечность.

Открыв глаза, осмотрелась. Больничная палата. Из руки торчит капельница. Захотелось воды. Сделала попытку пошевелиться и чуть

не заорала. Все тело пронзила острая боль. Где находилась ее локализация, понять было сложно. Болело и ныло все. Выражение «как побитая собака» идеально описывало мое состояние. Перед взором возникла девушка в белом халате.

– Она очнулась! – крикнула она кому-то, и в комнату вошел мужчина тоже в халате.

– Сколько времени я была без сознания? – прохрипела я.

– Более двух суток, – спокойно ответил врач.

– Что со мной?

– Несколько переломов, огнестрельное ранение, небольшой ожог и сильный ушиб головы, который, видимо, привел к потере памяти. Вы родились в рубашке. Остальное – синяки да ссадины.

– Как? – коротко и по делу сформулировала я вопрос.

– Вы ехали за рулем автомобиля. В вас стреляли. Вот результат. Подробности я не знаю. – Врач развел руками.

«Стреляли? Что происходит?» – продолжала недоумевать я.

Целая куча вопросов роилась в голове. Очень важных вопросов. Кто я? Почему в меня стреляли? Как меня зовут? Как я выгляжу? Я ничего о себе не знаю! Но вместо всех вопросов я произнесла одно слово:

– Пить.

Мне подали воды, и живительная влага смочила горло.

– К вам приходили из правоохранительных органов. Я поставлю их в известность, что вы пришли в себя. Они хотят задать вам несколько вопросов.

Кивнула. Пусть себе задают. Знать бы на них ответы.

Медицинский персонал ушел, а я пялилась в потолок, силясь вспомнить хотя бы какую-то информацию. У меня целый список травм, включая ожог и огнестрельное ранение. И при этом я была за рулем авто, значит, после того как меня ранили, не справилась с управлением.

Интересно, целились в меня или я случайная жертва перестрелки? Если мишенью была я, то кто я, черт возьми, такая?

Послышался звук открывающейся двери. Взглянула на вошедших. Двое мужчин, одетых в полицейскую форму. Они представились и приступили к допросу.

– Имя, фамилия.

– Не знаю, – тихо ответила я.

Полицейские переглянулись.

– Что вы можете сказать о случившемся?

– Ничего.

– Кто в вас стрелял?

– Я не помню.

Люди в форме начинали злиться, а я ничем не могла им помочь.

– Разве в машине не нашли документов? Мои права, паспорт? Что-нибудь, указывающее на мою личность?

– Может, они и были, но машина взлетела в воздух через несколько минут после того, как вас оттуда достали. Мобильный телефон остался там же, – сообщил собеседник.

Я молчала. Сказать оказалось нечего.

– Мы сняли ваши отпечатки пальцев. Возможно, они что-то подскажут, – дал надежду второй полисмен.

– Ну хоть что-то, – ворчливо пробормотала я.

Мужчины ушли, а мой организм захотел справить естественную нужду. Превозмогая боль, поднялась с кровати, отцепив от руки капельницу. Туалет находился совсем рядом, но этот путь я преодолела с огромным трудом. Прошла целая вечность, пока я достигла цели. Справившись с нелегкой задачей, я поискала зеркало, но его нигде не было. Ни в уборной, ни в палате.

«Чудесно. Я не знаю, как выпляжу».

Осмотрев себя, сделала вывод, что огнестрельное ранение у меня в верхней части левой руки. Ожог, видимо, на ноге. А сломано левое ребро и, возможно, пальцы на руке, потому что левая кисть была забинтована. Там стояла лангетка.

Но в целом фигура у меня нормальная. Я бы даже сказала – спортивная. Кожа белая. Скучные познания о себе любимой, но пополнить их нечем.

До кровати я дойти не успела. За спиной раздался взволнованный голос медсестры:

– Зачем вы встали? Это для вас небезопасно!

Она подбежала ко мне и помогла лечь в постель. Снова подключила капельницу и сказала:

– Здесь над кроватью имеется тревожная красная кнопка, если вам что-то понадобится, нужно просто нажать ее.

Дверь отворилась, в комнату вошла какая-то женщина, которая принесла мне еду. Аппетита не было вовсе, но организм требовал подкрепления, поэтому я попыталась запихнуть в себя все то, что лежало в тарелке.

Глава 2

Что ощущает человек, когда он не знает, кто он? Когда твоя память — это чистый лист бумаги. Когда ты личность без имени, адреса и данных о себе. Теперь я это знала. Всепоглощающая пустота внутри — вот испытываемые мною чувства. Нет воспоминаний, надежд. Нет прошлого и будущего, лишь настоящее. В голове не формировались воспоминания, лишь тысячи вопросов, на которые не было ответов.

Я помнила лишь карету скорой помощи и эту палату. Ну и боль, которую постоянно купировали лекарствами. Болела голова, конечности, внутренние органы и даже кожа.

— Можно мне зеркало? — попросила я, когда санитарка зашла забрать посуду.

— Вы не очень хорошо выглядите, — спокойно ответила та.

Да я и сама это понимала. Не зря моя голова была перебинтована, а когда я касалась лица, кожа нестерпимо ныла.

— Но все же, — настояла я.

— Это не положено, — лишила меня всякой надежды женщина.

Я тяжело вздохнула.

— А книгу у вас можно попросить?

— Посмотрю. Может, что-то имеется, — буркнула она.

А я старалась максимально рассмотреть себя в тех местах, где не было бинтов и синяков. Обнаружила пару старых шрамов и теперь знала, что у меня есть родимое пятно в виде следа от лапки на лодыжке.

В этот день приходили еще два полисмена из другого ведомства. Они задавали целую кучу вопросов, на которые я не могла дать ответы. И мой лечащий доктор заверил их, что у меня провалы в памяти.

— Вы наша Джейн Доу, — хмыкнул врач и вышел.

А я задумалась, так вроде называют в Америке людей, которые не опознаны. Теперь в больнице ко мне обращались именно так.

Может, санитарка толком и не знала, почему у меня такое прозвище, но тоже звала меня Джейн.

– Держи, Джейн, я тебе книгу нашла, не знаю, любишь ты такие или нет. – Она протянула любовный роман. – Но, думаю, ты и сама не знаешь, что любишь, – пошутила женщина и ушла, оставив меня с чтивом.

Через полчаса, проведенных в чтении, я поняла, что такая литература мне не по душе. Но буквы читались легко и быстро, что позволило сделать вывод: я отлично владею русским языком.

В дверь тихонько постучали.

– Войдите, – пригласила я.

В палату вошла женщина лет сорока.

– Привет, – поздоровалась она. – Меня зовут Мария. Я твоя соседка. Лежу в соседней палате.

– А меня зовут... – я запнулась. – Джейн.

После паузы Мария добавила, замешкавшись:

– Я знаю, что ты имени своего не помнишь и себя не помнишь, поэтому решила тебя навестить. Держи. – Она протянула пакет с фруктами. – Это тебе. Чтобы не было так грустно, что у тебя нет посетителей.

– Спасибо. Это так мило.

Наш разговор был ни о чем и обо всем. О себе я вспомнить ничего не могла, поэтому говорила гостя. Много ненужной информации, которую я пропускала мимо ушей. О детях, муже, работе, погоде.

Но эта встреча не прошла без пользы. У новой знакомой зазвонил мобильный телефон и, извинившись, она ответила на звонок. Она заговорила на чужом языке, и я поняла каждое слово! Я знаю испанский!

– А откуда ты родом? – уточнила я, когда Мария закончила разговор с мужчиной по имени Пабло.

– Из Мексики. ¿Hablas español?

– Creo que sí.

Она спросила, говорю ли я на испанском, и я ответила, что, кажется, да.

Мария перешла на родной язык, и я легко отвечала ей. Значит, испанский и русский. Какие еще языки я знаю?

– Не ожидала, что в ваших краях знают испанский. Это редкость.

Мария ушла, удивляясь этому факту. Я же была изумлена не меньше нее. Мне многое придется узнать о себе.

Захотелось в туалет, и я последовала совету, нажав красную кнопку.

– А в больнице есть телевизор? – поинтересовалась я, когда справилась с задачей с помощью молодой медсестры.

– Да. Один общий на этаж. Когда вам станет лучше, покажу, где он находится.

«А до этого момента я умру со скуки», – подумала я.

Хорошо хоть обезболивающие капельницы и уколы имеют снотворное действие. Засыпала я быстро и спала крепко. Лишь при неудачном повороте на раненую руку стонала и просыпалась.

За время, проведенное в больнице, успела познакомиться с медсестрами. Особенно я полюбила Анну и Лину. Они заступали на смену всегда вместе. И с ними было нескучно. Аня была веселой девочкой и спасительницей, которая снабжала меня разной литературой. Оказалось, я люблю классиков. Приятным открытием стали Есенин, Лермонтов и Тургенев. Кто знает, может, это раньше не являлось моим увлечением, а теперь вдруг понравилось?

– Врач сказал, что на днях к нашей миссис Смит придет телевидение, – сказала Аня.

– Почему миссис Смит? – не поняла Лина.

– Ну, так же в Америке называют неизвестных.

– Нет. Джон и Джейн Доу называют. А «Миссис Смит» – это фильм американский, где Анжелина Джоли снималась, – недовольно поморщилась Лина.

– Зачем телевидение? – спросила я, прерывая спор.

– Для того, чтобы тебя кто-то узнал и примчался на выручку.

– Идея неплохая. Знать бы еще, как я выгляжу, – произнесла я, криво улыбаясь.

– Плохо выглядишь. Ой! – Анечка зажала рот ладошкой, а Лина толкнула ее локтем в бок.

Могу себе представить. Голову-то я давно не мыла. Да и душ принять тяжело. Обмывала самые важные места и на этом все.

– Надеюсь, вы мне поможете, и сегодня у меня будет шикарная ванна.

– Ну ты загнула! Ванна в отделении имеется, но назвать ее шикарной вряд ли можно. Но сегодня, когда все лягут спать, пойдем на дело, – заговорщически зашептала медсестра. – Ведь и правда нельзя перед камерой в таком виде.

– По рукам!